

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРИМИТИВИЗМА

Статья посвящена особенностям литературного примитивизма. Отдельные примитивистские тексты не раз становились предметом специального литературоведческого исследования, но в современной науке до сих пор не создано целостной картины самого явления примитивизма как особым образом организованной системы. Литературный примитивизм – проблема, связанная с влиянием наивного искусства на профессиональное творчество, которое привело к формированию в литературе XX века особого художественного стиля.

Ключевые слова: литература, творчество, примитивизм, художественный стиль, профессионализм.

Мозаичность сегодняшней культуры создает трудности в однозначной оценке – профессиональный перед нами автор, или, к примеру, способный к письму аутсайдер. Осознанно ли выбрана та или иная стратегия или же это графоманство или творчество душевнобольного. Границу между наивом и примитивизмом в ряде случаев провести достаточно трудно, в связи с чем возникают споры. И во многих случаях можно сказать, что автор определяет судьбу своего творения. Сегодня, не зная, кто автор того или иного текста, довольно трудно судить о нем и делать однозначные выводы. Чтобы оценить стихотворение, прозаический текст или картину, нужно иметь представления о том, «кто» ее создал, какие художественные цели преследовал и преследовал ли он их вообще. Примитивистское письмо – это подражание творчеству непрофессиональному, наивному (литературной манере человека, не знающего соответствующих конвенций или не следующего традициям, принятым в определенной литературной среде). Наив противопоставлен примитивизму, который, будучи сознательной имитацией наивного искусства, легитимирует существование примитива в рамках культуры и зависит от него как от первоосновы. Авторы-примитивы, или наивные авторы, не принадлежат к сфере письменной культуры, они не владеют нормами письменного литературного языка, поэтому в их текстах возникают алогизмы, нарушаются связи, что и преобразуют в прием авторы-примитивисты. Девиантность как отклонение от языковой нормы –

* © Леухина А.В., 2008

Леухина Анна Владимировна – кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета

один из приемов примитивистской литературы. Эта девиантность распространяется практически на все особенности творчества примитивистов: от самоидентификации поэтов и писателей до стилистических особенностей их текстов. Возможно, выбор данной манеры письма связан с пограничным положением неофициальных авторов в литературной, культурной, общественной ситуации XX века, который дал множество примеров примитивистского творчества. Они и не приняты литературным сообществом окончательно, но и не отвергнуты полностью. Это неопределенное положение провоцирует появление новой творческой идентичности, в которой особое внимание привлекает грань между профессионализмом и наивностью. Примитив (наивный автор) осознает свое авторство, но не является профессиональным автором (часто авторское «Я» и «маска» сливаются). Примитивист же четко осознает, *что* является материалом его творчества, осознает приемы, которые использует, границу между автором и лирическим субъектом.

В основе художественной стратегии примитивизма лежат два противоположных жеста: разрушение (подвергаются деструкции устойчивые структуры на всех уровнях художественного текста) и созидание (совершенной деформации придается художественный смысл). В связи с этим актуальными для исследования стали следующие аспекты примитивистской эстетики: девиантное поведение лирического субъекта, присущие ему юродство, игра, детский взгляд. Являясь неотъемлемыми чертами примитивного творчества, они оказываются художественными приемами искусства примитивистского, которое, в свою очередь, отличается повышенным уровнем рефлексивности, ироничностью и наличием смехового начала.

Созданный в тексте образ автора также становится выражением девиантности, как и выбор сюжетов, персонажей. Среди масок, которые выбирает творческий субъект, самой частой оказывается маска разрушителя всевозможных норм. Ненормативный образ жизни, «неправильный», с точки зрения господствующей культуры, абсурдные, с точки зрения обыденной логики, поступки — одна из характерных черт «отклоняющегося» поведения. В качестве персонажей примитивистской литературы появляются асоциальные типы и неординарные личности, которых можно назвать чудаками.

В творчестве Хармса и Григорьева как ярких представителей литературного примитивизма нетрудно обнаружить, например, такие похожие строки: «Травить детей — это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!» [1. С.78] — это строки Хармса, а вот четверостишие Григорьева:

Чтобы яблоки были ядовитые,
Надо в ствол мышьяку вогнать.
Все детки полягут, как убитые,
Если станут в садик наш залезать [2. С.135].

Одним из персонажей-чудаков является ребенок, образ которого становится центральным в детской литературе. Для ряда писателей эта литература была единственным способом легитимации примитивизма.

Для детского сознания не существует нормативных культурных оценок. Речь идет о детском взгляде, позиции «изнутри» детства. Ребенок считает нормой то, что для других не является нормальным. Метаморфозы привычных вещей, разрыв связей между предметами и понятиями – в сущности, эти архетипические мотивы созидания и разрушения, свойственные детскому мировоззрению, и использует примитивист. Для него метаморфоза становится своеобразным «алгоритмом» построения текста.

Обломки стула,
Лежат дома,
Отломки стула,
Отстулки лома [2. С.159].

Этот алгоритм реализуется на разных уровнях: сюжетно-тематическом, композиционном, ритмическом, языковом. Метаморфозе подвергается художественное время, пространство.

Он был Сидоровым, который сидит под деревом,
И деревом, которое растет над Сидоровым,
И при том
Был птицей на этом дереве и ее гнездом [2. С.144].

Продолжая линию «Хармс-Григорьев», следует сказать, что параллели и связи в их творчестве отмечаются довольно часто, и в жизни их есть сходства: многие современники воспринимали обоих авторов как юродивых. Особенность поведения юродивого – критика существующего мира, которая показывает, что именно мир культуры является миром ненастоящим, миром антикультуры. Поэтому он постоянно ведет себя в этом мире так, как следовало бы вести себя только в мире антикультуры. Язык юродивых – это по преимуществу язык жестов, провокативных поступков, невербальной коммуникации. Юродивый провоцирует толпу, плюясь и швыряя в нее камни и грязь. Но одновременно этот провокативный поступок – театральный жест юродивого. Формирование образа дурака, чудака, юродивого весьма характерно для искусства примитивизма. Чудак, нарушитель знаковой системы, своеобразный наивный автор, становится лирическим субъектом в произведениях примитивистов.

Залез на столб я смоляной
Со страшным знаком смерти.
Коснулся проволоки рукой...
И ничего, проверьте! [2. С.173]

На основе существующего опыта авторов, относящихся к примитивизму, были выявлены примитивистские приемы, которые обращают внимание на три момента в примитивистской системе.

1. Приемы, создающие графический образ. Здесь можно говорить о поэтике черновика: особое использование знаков препинания, заглавных букв; осознанное допущение опечаток в тексте; исправление и не-исправление ошибок; оригинальное расположение текста на странице, имитация письма «от руки», зачеркнутые слова, фразы, добавление букв и т. д.

2. Принцип релятивности, проявляющийся на всех уровнях текста. Релятивность характеризуется тем, что значимые элементы текста существуют в нестабильном состоянии, они не могут быть однозначно зафиксированы и определены. Это может быть грамматическая структура: причинно-следственные, логические, грамматические связи могут быть нарушены; повествовательная структура: персонаж, фабула, сюжет могут дробиться и т. д.

3. Субъектная организация текста, которая проблематизирует границу между субъектом письма и биографическим автором.

В творчестве Хармса и Григорьева четко прослеживаются указанные выше особенности литературного примитивизма. Эти черты во многом характерны для целого ряда авторов, и особенно ярко они проявляются именно в этой ленинградской/петербургской литературной традиции (А.Ник, В.Эрль, В.Гаврильчик, В.Голявкин, В.Марамзин и др.).

Что же определяет столь отличную стратегию (хотя и для Москвы примитивистский стиль не чужд – например, для творчества концептуалистов он так же очень характерен, но для концептуалистов – это один из множества языков, который они выбирают в данный момент). Прежде всего, это историко-культурный момент – Ленинград, отличающийся общей маргинальностью пространства после перемещения столицы в Москву. Примитивизм можно рассматривать как следствие этой маргинализации. Появление «косноязычного героя» в структуре петербургского мифа спровоцировано конфликтом: это и глобальный конфликт культур – европейского сознания в азиатской стране, и внутренний конфликт: оппозиционность советской культуре с ее пристрастием исключительно высокого. Своеобразна сама история Петербурга, который изначально был ориентирован Петром на Запад [3, 4]. Петербургская культура от пушкинского Евгения до неофициальных выставок XX века, развивает идею личности, индивидуальности, человеческих прав. И уже в евгеньевском шепоте: «Ужо тебе!» слышится голос косноязычного героя, он противостоит официальному дискурсу власти, для которого не существует отдельно взятой личности. Ленинградские поэты, писатели создают особую ветвь неофициальной литературы, неконвенциональной литературы примитивизма.

На фоне официальной поэзии 60–80-х годов, в основном пафосной лирической поэзии, стихи того же Григорьева не претендуют на что-либо серьезное, это скорее антилитература, появляется совершенно другой взгляд. Его имитация детского сознания, письма и поведения девианта, аутсайдера нарушает конвенции профессионального творчества своим явным отличием от них. Частыми персонажами становятся социальные изгои: умалишенные, преступники, жители трущоб и прочие вычеркиваемые из общества типы.

Поставил жене синяк.

Без всякого повода – просто так! [2. С.181]

Такой язык продуцирует новые смыслы, так как он ставит под вопрос моральные и эстетические конвенции, актуализируя парадоксальное,

абсурдное, антикультурное в противовес «нормальному», культурному. Григорьеву присущи кинические жесты. Кинические действия отличаются от окружающих и его персонажей. Основная мысль киников как нельзя лучше отражает умонастроение людей XX века. Киническая философия не принимала моральных, социально-политических установок общества, основанного на угнетении личности, и обращена была именно к человеку социального низа. Прошлый век тоталитарных систем дал обширный материал для размышлений, который был освоен, пожалуй, всеми видами искусства. Можно сказать, Григорьев идет вслед за киниками, сознательно противопоставляя себя традициям своей эпохи с ее мыслительными и поведенческими стереотипами. Григорьев изменяет ракурс, разрывает устоявшиеся иерархические связи, между элементами текста реализуются всевозможные варианты соотношения: причинно-следственные связи могут быть нарушены, логика — отсутствовать, а персонаж — двоиться, тройиться или вовсе распадаться на фрагменты. Это проявления принципа релятивности.

Посмотрим более подробно, как этот принцип реализуется в особенностях бытования самого текста. Некоторые тексты Олега Григорьева в процессе передачи их «из уст в уста» видоизменялись, достигая, к примеру, образца страшилки с четким и удобным для произношения ритмом. Народ, подхватив понравившиеся ему строки, обточил их «по своему вкусу», переставив слова и даже добавив те, которых не было. В принципе такие преобразования совершал и сам автор: большая часть его стихов не была отредактирована, если стихотворение было написано и потеряно, Григорьев просто записывал его по памяти в том виде, в котором вспоминал. Это напоминает фольклорные тексты, которые обладают обилием разночтений, версий, порожденных исполнителями этих текстов, но эти варианты рассматриваются как равноценные. Вот, к примеру, письменная версия одного из наиболее известных его стихотворений «Я спросил электрика Петрова»:

Я спросил электрика Петрова:

— Для чего ты намотал на шею провод? -

Ничего Петров не отвечает,

Висит и только ботами качает [2. С.171].

А вот как это стихотворение выглядит в «фольклорной» версии:

Я спросил электрика Петрова:

— Для чего тебе на шее провод? -

Но электрик ничего не отвечает,

Только тихо ботами качает.

Интересным фактом оказывается то, что не только между письменной и устной версией текста, но и между всеми изданиями наблюдаются существенные расхождения, касающиеся названий, посвящений (к одному тексту в разных изданиях могут относиться разные посвящения), объема, строфической организации. Петров — в одном издании — может превратиться в Смирнова — в другом. Часто отдельные слова заменяются, переставляются или исчезают вовсе. Возьмем, к примеру, стихотворение «Ноги и руки»: в трех разных изданиях четверостишие

имеет различный лексический состав, в одном есть заглавие, в двух других его нет.

Создается впечатление, что в самих текстах Григорьева заложена потенциальная возможность или даже потребность для изменения: это напоминает черновые записи. Художественный язык XX века во многом провоцирует распад абсолютного единства чистовика. Появляется так называемое черновое художественное сознание: художественный текст строится по принципам чернового. В творчестве примитивистов обнаруживается эта художественная «черновиковая» стратегия, что выражается и в косноязычии лирического героя с его редукцией, усечениями, как при разговоре человека с самим собой. Косноязычный, не совсем адекватный герой – представитель примитивистского искусства с его антиконвенционалистской направленностью.

В современной литературе к примитивизму обращается все больше и больше авторов. Возможно, это способ уйти от рациональности, или действительно сознанию современного человека более близок этот стиль, где элементы не находят своего постоянного места, структура текста расшатана, а образ автора в тексте читатель легко может принять за биографического автора, который ведет дневник, а не игру под авторской маской.

Несмотря на черный юмор, изображение агрессии, отклонений от нормы, примитивистское творчество утверждает гуманистические ценности апофатически, а девиантное поведение становится способом высказывания, типом художественной рефлексии, который существует как альтернатива принятому в обществе способу мышления и поведения. Для реализации этой задачи наиболее подходящим представляется искусство примитивизма.

Библиографический список

1. Хармс, Д. Случаи: Избранные произведения. Письма / Даниил Хармс. – М.: Эксмо, 2006. – 720 с.
2. Григорьев О. «Птица в клетке» / Олег Григорьев. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 272 с.
3. Берг, М. Ю. Веревоочная лестница / Михаил Юрьевич Берг. – СПб.: Алетейя, 2005. – 462 с.
4. Савицкий, С. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы / Станислав Савицкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 224 с.

АА. Leukhina

FEATURES POETICS AND AESTHETICS OF LITERARY PRIMITIVISM

The paper is devoted to the characteristics of literary primitivism. Certain primitivism texts were examined as the subject of special literary research, but there is not any complete picture of primitivism in contemporary study of literature as the specifically organized system. The problem of literary primitivism is connected with the influence of naive art on professional creativity which led to formation of differing artistic style in the literature of 20th century.

Key words and phrases: literature, literary primitivism, naive art, author's strategy.

Статья принята в окончательном варианте 27.08.08 г.